

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Воскобойников
Анатолий
Эммануилович:
«В моем доме луна,
а не люстра...»**

Воскобойников Анатолий Эммануилович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической философии Московского гуманитарного университета. В МосГУ (прежние названия ЦКШ, ВКШ, Институт молодежи, МГСА) работает с 1968 года по настоящее время, преподавал практически на всех факультетах.

Научные интересы: методология системного подхода, проблемы философско-психологической антропологии и универсальной эволюции, проблемы личностного развития и самореализации, экологии человека, агрессивности и путей ее преодоления, духовной культуры и искусства, философских проблем семиотики. Читает общие курсы и спецкурсы по философии, философской антропологии, концепциям современного естествознания, теории организации, эстетике, культурологии и др. Разработал и успешно читает лекционный курс для аспирантов «История и философия науки», обязательный для сдачи кандидатского минимума.

А. Э. Воскобойников — член трех диссертационных советов МосГУ по защите диссертаций, заместитель председателя специализированного Совета по культурологии. Автор многих учебных пособий, программ, научных статей и монографий общим объемом более 100 п. л.

По итогам проведения Фестиваля качества негосударственных вузов Москвы и Московской области

награжден серебряной медалью Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке». Награжден медалями «В память 850-летия Москвы», почетными знаками за активную работу Министерства кинематографии и Союза кинематографистов СССР («Отличник кинематографии СССР»), Всесоюзного общества «Знание» («За активную работу»), ГАБТ («200-летие ГАБТ»), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» и др. В 2004 г. награжден орденом «Служение и Честь» 1-й степени Московского гуманитарного университета. Почетный профессор Московского гуманитарного университета (2003 г.).

В этом году А. Э. Воскобойников отметил свое 70-летие. Мы разговариваем об этапах его жизненного пути и творческих интересах ученого.

— Анатолий Эммануилович, на многих в детстве, в юности влиял какой-нибудь профессионал, интересный человек, который помогал выбрать свой жизненный путь. Был ли такой человек у Вас?

— Пожалуй, я такого не назову. На меня больше всего, начиная со старших классов, повлияла великая русская литература. Еще

до окончания школы перечитал почти всю отечественную классику и немало зарубежных писателей. Себя «лепил», подражая любимым героям. Незаурядные учителя, конечно, были, но никого из них не могу выделить как «владельца дум». Вообще говоря, я был личностью увлекающейся, но независимой.

— *А родители?*

— Мы с мамой самозабвенно любили друг друга, но развивался я вполне самостоятельно. С моим родным отцом мама рассталась, когда мне еще не было 5 лет. Отчим, который появился у меня в школьные годы, был человеком высоко порядочным во всех отношениях, бескорыстным, преданным преподавательскому ремеслу и науке. Будучи историком, он разрабатывал такие «щекотливые» проблемы как установление советской власти в Туркестане и межнациональные отношения. Я благодарен ему за то, что атмосфера в нашем ташкентском доме была творчески интересной. В гости приходили его коллеги, друзья, велись беседы по самым острым и злободневным вопросам, которые я обожаю слушать. К несчастью, отчим скончался от кровоизлияния в мозг, когда ему было всего 49 лет. Учась в школе, я продолжал носить фамилию и отчество родного отца, но, получая паспорт, из уважения к отчиму выполнил его желание, сменил фамилию и отчество.

— *Но все-таки не история стала предметом Ваших интересов?*

— Да, у меня сложились свои увлечения: астрономия и литературно-художественная сфера. Подумывал, не стать ли журналистом. Однако решил, что журналистикой и художественным творчеством смогу заниматься помимо основной профессии. Художественные наклонности в дальнейшем мне нисколько не мешали, более того, они способствовали более цельному миропониманию.

— *А почему астрономия?*

— Вы когда-нибудь бывали в Ташкенте? Ташкент моего детства и юности был городом, не ушедшим от природы в цивилизацию,

а повенчавшим их. Вдоль всех улиц журчала по арыкам вода, дома прятались за густейшую листву деревьев, ароматы цветочных клумб дурманили голову. А какое там было пленительное небо и великолепные звезды! Глядя на все это, я испытывал нечто вроде аристотелевского катарсиса. Вот в Москве звездного неба почти не видно. Студентам полшутя объясняя это так: «Днем вы видите над головой смог, сверху подсвеченный солнечными лучами, которые пробиваются через него. А ночью — тоже смог, но подсвеченный снизу электричеством. И сквозь него можно видеть только редкие потускневшие звезды. Во всей своей красе звездное небо предстанет, если вы окажетесь в какой-то глухой деревне, где к тому же нет электричества».

А в Ташкенте, в этом магическом, фантастическом городе, в кружке «юных астрономов» еще и телескопы были, в которые ночи напролет можно было наблюдать за планетами и звездами... Так в школьные годы я «заболел» астрономией.

После школы я поступил в ташкентский вуз, который тогда назывался Среднеазиатским государственным университетом. Во время войны в наш город были эвакуированы многие ведущие ученые, деятели искусства и культуры. Благодаря этому, в университете сложились мощные научные направления по математике, физике, биологии. Пройдя большой конкурс, я был зачислен на механико-математическое отделение физмата.

— *Сложно было творческой натуре учиться на естественной специальности?*

— Очень сложно. Порой обращался за поддержкой к другу-однокурснику, списывал у него некоторые лекции, которые пропускал. Зато организовывал творческие вечера в Доме ученых, публиковал в республиканской прессе статьи о космосе и его освоении. И самое главное — все чаще бывал в Ташкентской астрономической обсерватории. Ее возглавлял академик Владимир Петрович Щеглов, блестящий оратор, который нередко выступал с публичными лекциями, очень поэтично рассказывая о планетах,

звездах, космосе. Именно Владимир Петрович объяснил мне, что специализации по астрономии в Ташкенте не получить: чтобы стать астрономом, мне надо было перевестись куда-нибудь, где есть астрономическое отделение. Так я и поступил.

В те годы астрономы были экзотическими специалистами. Их готовило всего четыре вуза в стране: МГУ, Ленинградский, Киевский и Харьковский университеты. Поехал в Харьков, ведь там жила родня. С третьего курса перешел снова на третий, так как у меня не полностью совпадали специальности. Я терял год, но с радостью согласился на это условие. В Харькове в те годы работал крупнейший ученый — академик Николай Павлович Барабашов, самый известный в СССР планетовед. Он фактически возглавлял направление «планетоведение» в стране. Ныне его имя носит одна из станций харьковского метро. Под его «крыло» я и попал. Что касается моей дипломной работы, то она называлась «Спектрофотометрия планеты Венера».

— *Ваше увлечение проявлялось только в том, что вы хотели изучать небесные тела, наблюдая за ними с Земли? О полетах в космос не мечталось?*

— Я учился в те времена, когда полетов людей в космос еще не было. Но в 1957 году мир облетела новость о запуске первого в истории человечества спутника Земли. Тогда впервые астрономы оказались в почете. До этого приходилось объяснять, кто мы такие и выслушивать насмешки в духе «вы не от мира сего». Но потом ситуация полностью изменилась. Девушки сами приглашали на танцы, узнав, что я астроном. Популярность была такая, как будто даже мы — простые студенты — имели к запускам прямое отношение.

Но довольно скоро нас и на самом деле в известной мере приобщили к «космической Одиссее». Спутники тогда запускались на небольшие высоты, достаточные, чтобы они облетали вокруг Земли, но недостаточные для того, чтобы делать это «вечно». Через некоторое время спутник снижал свою высоту, входил в плотные слои атмосферы,

частично обгорал, а оставшиеся компоненты долетали до земной поверхности. Но на раннем этапе исследований трудно было точно рассчитать, где приземлятся (или приводняются) уцелевшие фрагменты. И вот здесь понадобилось максимальное число обученных наблюдателей. В том числе привлекали и студентов-астрономов всех четырех вузов.

— *А доводилось ли Вам наблюдать НЛО?*

— Начну с того, чем завершил свою прекрасную книгу «О летающих тарелках» американский астроном Д. Мензел: «... помните, что летающие тарелки: 1) действительно существуют; 2) их видели; 3) но они совсем не то, за что их принимают». Здесь также уместно напомнить мудрую восточную пословицу: Если ты очень ждешь друга, не принимай стук своего сердца за топот копыт его коня.

К сожалению, некоторые недостаточно осведомленные люди приписывают неопознанным летающим объектам (НЛО) взвешенное происхождение. В связи с этим я рассказываю своим студентам о том, какие у меня были «удивительные» встречи с «НЛО», и что за этим стояло на самом деле.

— *Расскажите, пожалуйста, и нашим читателям, что это были за встречи, и как Вы их объясняете?*

— Первая встреча с «НЛО» произошла тогда, когда я еще был студентом-астрономом Харьковского госуниверситета. Как я уже говорил, нас, студентов, регулярно привлекали к наблюдениям. И однажды произошло следующее. Ожидалось, что пролетят обломки спутника, вошедшего в плотные слои атмосферы. Какова была наша радость, когда мы засекли наблюдательными приборами группу неких объектов и приняли их за искомые обломки. Но вдруг эти объекты, вопреки всем физическим законам, развернулись и полетели в самом неожиданном направлении. Такой маневр был невозможен как для неуправляемого полета осколков, так и для самолетов. Неужели инопланетное НЛО?! Увы, очень скоро стало ясно, что это были дикие гуси, летевшие так высоко, что их освещало уже зашедшее Солнце. Хотя мы

были хорошо подготовленными наблюдателями, все же допустили ошибку в интерпретации наблюдаемого явления...

Второй случай произошел, когда я, уже будучи дипломированным специалистом, ночью летел в Адлер. Смотрю в иллюминатор, вдруг неожиданно появляется «НЛО». Летит ниже, но точно с такой же скоростью, что и самолет. Когда что-то непонятно, надо выдвинуть хоть какую-то гипотезу, а лучше — несколько. Позвал стюардессу, попросил сообщить, где сейчас летим. Как и предполагал, мы летели над Цимлянским морем. Тогда все встало на свои места. В морской воде отражалась луна и сверху, с высоты самолета, ее отражение виделось как светящийся объект с головкой и маленьким хвостиком.

Третья и четвертая истории случились, когда работал в экспедиции в горах Тянь-Шаня (это были самые счастливые годы моей жизни). В нашей стране тогда шли поиски места для установки самого большого в мире оптического телескопа. На одном из пунктов к нам подъезжает местный чабан, говорит, что в ближайшую ночь по небу пролетит «шайтан». Мы улыбнулись, но телескопы приготовили. Ночью смотрим — летит «шайтан», летит красиво, за ним шлейф тянется. Как мы и предполагали, это зрелище наблюдалось в направлении на космодром Байконур. Нас от него отделяло менее 500 км. А запуски многоступенчатых ракет можно видеть и с больших расстояний. Что касается «прозорливости» чабана, он просто заметил, какова периодичность запусков.

Четвертый случай был жутковатый. Для меня Большой Чимган — все равно, что для японцев Фудзияма. Слишком многое меня связывает с этой горой. Молодым успевал подняться от нашей экспедиционной стоянки на вершину и спуститься с нее за несколько часов. Когда возраст перевалил за полвека, восхождения давались все тяжелее. Приезжая уже из Москвы, приходилось хоть недолго проходить акклиматизацию в тамошнем альплагере. А во время последнего восхождения произошло следующее. Когда

поднялся выше трех километров, все чаще отдыхал лежа. Закрывал глаза, чтобы и они отдохнули. В какой-то момент открываю глаза и четко вижу, как на меня из облаков пристально смотрит бородатый мужчина. Я закрыл глаза, снова открыл: теперь передо мной была мадонна. Меня поразила четкость видений и быстрота, с которой они менялись — словно шел слайд-показ. Стало страшно, но я понял, что это галлюцинации от кислородного голодания. Они бывают на восхождениях.

Но зачастую истории про НЛО имеют другие корни. Начну с того, что это выгодно определенным представителям журналистского клана. Сенсации про «НЛО» и прибывших на них «зеленых человечках» — хорошо продаваемый информационный «товар». Поэтому они стали одной из излюбленных форм нездорового разжигания страстей в бульварной прессе. Объясняя, что такое сенсация, говорят: «Если собака укусила человека, то это обыденное событие. Но вот если человек укусил собаку, то это сенсация». А полет на таинственной «тарелке» в изысканном обществе инопланетян — это будет покруче укушенной собаки! А еще это выгодно тем, чья задача — манипулировать общественным мнением, политическими и нравственными ориентациями, житейскими вкусами и потребностями. Заморочил людям головы, сделал их одномерными, некритично принимающими всё на веру, не способными к вдумчивому анализу — и vedi их, куда сочтешь нужным...

В то же время, у специалистов, изучающих космос и живые организмы, существует научно обоснованная уверенность, что мы во Вселенной не одиноки, хотя и удалены от «братьев по разуму» на огромные, почти непреодолимые расстояния. На смену антропоцентризму все шире приходит полицентристское миропонимание.

— *Но вернемся снова в Вашу молодость. Чем был определен Ваш выбор аспирантуры? Куда Вы поступили?*

— Возвращаясь на зимний период из экспедиции в город, я работал в лаборатории по

изучению так называемых «переменных звезд». Но постепенно сфера моих интересов все больше переходила к космологии, изучавшей Вселенную в целом. Конечно она или бесконечна? Почему разбегаются галактики? Как произошла Вселенная? Больше всего хотелось работать на стыке космологии, астрономии и психологии. А подобное сочетание было возможно только в философии... В 1963 году, поступив в аспирантуру Института философии Академии наук СССР, я снова стал проживать в Москве, из которой в самом раннем детстве эвакуировался с мамой. Сектор «Философские вопросы естествознания» на семь лет стал для меня местом учебы и последующей работы. Он был создан после того, как вопиющая некомпетентность философов-догматиков и научных проходимцев, громивших генетику, кибернетику и теорию относительности, стала очевидной не только для специалистов, но и для руководства страны. Тогда-то и решили усилить «философскую науку» представителями естественнонаучных знаний. В нашем секторе вели философские и естественнонаучные исследования физики, математики, биологии и два астронома — мой старший коллега В. В. Казютинский и я.

— *Какому философскому аспекту естествознания была посвящена Ваша кандидатская диссертация, защищенная в Институте философии?*

— В середине шестидесятых годов зарождался «бум» системных исследований. Моя диссертация рассматривала системно-структурный анализ в приложении как к гуманитарным, так и естественным наукам (и, прежде всего, астрономии). Кстати говоря, вторым моим оппонентом на защите был такой «первопроходец» системной методологии, как В. Н. Садовский. А первым оппонентом был Г. И. Наан, блестящий ученый с мировым именем, вице-президент Эстонской Академии наук.

Сегодня меня удручает следующее обстоятельство. Читая авторефераты, я часто наткнулся на утверждение, что автором использован метод системного анализа. Но за

редким исключением соискатели используют данный эффективный метод в крайне примитивной форме или не используют совсем. А ведь в процессе системного анализа выявляют и изучают: фундаментальные элементы системы; основные подсистемы и уровни системы; управляющую подсистему и ее роль на разных уровнях системы, обладающих относительной автономией; определяющие взаимодействия (как внутренние, так и внешние); целостную природу системы (а у нее появляются принципиально новые качества); принципы и закономерности ее развития; системы высшего и низшего порядка по отношению к изучаемой системе; системы, родственные и изоморфные изучаемой; как нормальные, так и экстремальные (кризисные), бифуркационные состояния системы (они могут быть реальными или моделируемыми). И даже это еще не все!..

В дальнейшем в сферу моих научных интересов вошли проблемы космологии, философско-психологической антропологии и универсальной эволюции.

— *Докторскую диссертацию Вы защитили спустя 30 лет после кандидатской. Почему такой большой временной разрыв?*

— Да, диссертацию «Бессознательное и сознательное в духовном мире человека» я защитил в 1997 году. В ней я рассматривал специфику и взаимосвязи этих важнейших категорий. Работа затянулась, на это были объективные и субъективные причины, которые излагать не хочется. Напомню только, что долгое время как в философской, так и в психологической литературе бессознательное либо игнорировалось, либо трактовалось крайне упрощенно. Но, игнорируя бессознательное, мы не можем глубоко раскрыть психические механизмы ни одного феномена духовной жизни человека. Бессознательное играет важную роль не только во внутреннем мире, но и во взаимодействиях людей в больших и малых группах. Не разумно пренебрегать влиянием бессознательного даже в самых сложных социальных явлениях.

Много нерешенных вопросов возникает при попытке построения единой системы бессознательного, а также при рассмотрении его взаимодействия с сознанием в таких важных сферах, как познание, художественное восприятие и творчество, «измененные состояния сознания», воспитание, отклоняющееся поведение и т. п.

Актуальность подобных исследований (особенно на уровне социально-психических явлений) трудно переоценить. Ведь чем меньше осознается та или иная опасность, тем больше ее угроза. Лишь довольно полно предвидя результаты своих деяний, человечество способно выжить. А начиная с определенного момента, безрассудность действий может повлечь не меньшую беду, чем сознательно творимое зло.

Может показаться, что люди, как правило, живут рационально, действуя на основании логических рассуждений и продуманных умозаключений. На самом же деле многие поступки в значительной мере определены неосознаваемыми чувствами и переживаниями. Не принимая во внимание бессознательный фактор, тщетно пытаться понять поведение человека. Ныне реальность бессознательной психической активности уже не подвергается сомнению. Однако не утихают споры о структуре бессознательного, механизмах его функционирования, языково-коммуникационных формах, связях с сознанием и окружающей средой.

Работая над докторской диссертацией и вытягивая весьма большую учебную нагрузку, я умудрялся читать лекции «на стороне». Порою мне ставили это в упрек, кое-кто даже обвинял в меркантилизме. Но такого немеркантильного, как я, еще поискать надо!

— *А что за лекции «на стороне» Вы читали?*

— В Большом театре, в Доме кино, во Всероссийском театральном обществе. Всегда работаю, исходя, прежде всего, из интересности процесса. Я бы сам доплачивал за возможность работать, скажем, с балетом Большого театра! Никогда не забуду этих

занятий! А то, что я 20 лет преподавал в вечернем университете при Госкино и Союзе кинематографистов (из них 15 лет заведовал кафедрой философии и эстетики), позволило приобщить к учебе в этом университете многие десятки студентов ВКШ и Института молодежи.

— *Вернемся к вечному — к философии. Кто из философов Вам ближе всего по духу?*

— Можно безоговорочно выбрать единственную возлюбленную, но не единственного любимого мыслителя. Ведь первый выбор совершается всей душой и телом, но безрассудно, а второй — рассудительно. Поэтому я предпочитаю прежде всего говорить о философских принципах и идеях, а уж в связи с ними — и о философах.

Я принимаю определенные принципы экзистенциализма, неомарксизма, гуманистического варианта философской антропологии, постпозитивизма и других философских направлений. Полностью разделяю идею Вл. Соловьева: «Братство по духу выше братства по крови». Нельзя с ним не согласиться, когда он утверждает: «Спасемся вместе или не спасется никто». Близка мысль Сартра: «Есть ли Бог, нет ли Бога — ты должен поступать так, будто Бога нет, и вся ответственность лежит на тебе самом». Прекрасна и другая идея, вложенная в уста одного из литературных героев Сартра: «Ты в ответе не только за то, что сделал, но и за то, что не сделал, хотя мог сделать». Пленяет марксистский тезис о том, что свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Конечно, это не просто мысли, это жизнеопределяющие нравственные позиции.

Особо я хочу выделить диалектические по своей сути принципы универсальной эволюции и всеобщей взаимосвязи. Универсальная эволюция соединяет в едином потоке историю космическую, планетарную и общечеловеческую. Концентрируя свое внимание на эволюции человека и высших форм живого, мы порою забываем о глобальной эволюции всей природы. Но природа существует «в вечно стремящемся потоке», как писал Ге-

те, в непрекращающемся возвышении своей духовности. Такие ценностные ориентации современной культуры как сотрудничество, кооперация, ненасилие, любовь органично связаны с концепцией коэволюционного развития общества и природы. Коэволюционный дух мышления пронизывает не только науки биологического цикла, но все более уверенно входит в геологию, астрономию, космологию, гуманитарные науки. Развиваться не за счет природы, а вместе с ней — таков императив нашего времени.

— *Как Вы относитесь к суевериям и астрологии?*

— Наука стремится объяснить неизвестное, опираясь на уже известное и углубляя его. Суеверия объясняют неизвестное через еще более неизвестное. Суеверия основаны прежде всего на страхе, опасении перед чем-то. Как-то звери обратились ко льву за советом — следует ли опасаться того, что черная кошка перебежала дорогу. Царь зверей ответил: «Это зависит от того, кто ты. Серая мышка или ЛЕВ». Если бы примета с черной кошкой подтверждалась, это давно использовали бы на практике. Скажем, при боевых действиях выпускали ее перед танками противника. Можно подумать, что высшим силам (если они существуют) нечего больше делать, как следить за вами, с какой ноги вы встали, перебежала ли вам дорогу черная кошка, сколько раз вы сплюнули через плечо, постучали или нет по дереву. Не беспокойте «высшие силы» по пустякам!

Философы-футурологи и писатели-фантасты предсказывают гораздо лучше магов, колдунов и гадалщиков на кофейной гуще, по картам или гороскопам. В молодости, дурачась, я «предсказывал» по родинкам на телах загорающих красоток. Для меня это была забава и способ познакомиться. Но они-то верили вполне серьезно!

Большую озабоченность вызывает такая проблема: наше российское общество в определенном смысле перешло от господства утопического сознания к широкому распространению сознания мифологического. Прощает мракобесие.

Что касается астрологии, то сразу оговорю, что между жизнью на Земле, всем существованием человечества и Космосом существуют глубокие и многообразные связи. Прежде всего, это влияния Солнца, Луны и самой Земли как космического тела. Не дай бог, если Солнце даже слегка «заболеет»...

Но почему нельзя доверять астрологическим прогнозам? Им не хватает конкретности, теоретической и эмпирической доказательности, независимой объективной воспроизводимости, широкой эффективной практической реализации и т.д.

На людей воздействуют более существенные, менее существенные и практически несущественные факторы. Огромное влияние на жизненный путь человека оказывают окружающие его природные условия, воздействия Земли, Солнца, Луны, наследуемые генетические биологические и психобиологические программы, целостный процесс социализации, саморазвитие и собственные свободные поступки. На него накладывают свой отпечаток травмы рождения и детского возраста, специфические переживания чувства неполноценности и развитие психосексуальности, индивидуально реализуемые защитные механизмы психики, особенности научения и воспитания.

Они, а не составленный на момент рождения гороскоп, могут поведать о превратностях человеческой «судьбы», а точнее — о превратностях жизненного пути человека.

Тот, кто верит в астрологию, пока еще воспринимает на мировоззренческом уровне небесный мир геоцентрически (по Птолемею). Астрологи словно не заметили перехода от геоцентризма к гелиоцентризму, от ньютоновской (классической) картины мира к эйнштейновской (релятивистской), а от последней — к новейшим моделям Вселенной.

— *Вы являетесь одним из старожилов университета. Перед Вашими глазами не только сменялись эпохи, но и менялось наше учебное заведение, Вы наблюдали за тем, как менялись настроения людей, можете сравнить какие были раньше и какие те-*

перф стали студенты. Поделитесь, пожалуйста, своими наблюдениями?

— Мне очень повезло. Этапы восхождения нашего учебного заведения по ступеням «высшая школа — институт — академия — университет» для меня стали незабываемыми. По-своему интересно было работать на каждой ступени, но по мере «возмужания» нашего вуза возможности для самореализации безусловно возрастали.

Наш вуз и Вешняки стали для меня «малой родиной». В огромном московском мегаполисе — здесь редкое сочетание: кусковский лес, каскад озер и прудов, шереметьевские дворцы и наш студенческий городок, утопающий в зелени... К тому же, чертовски интересно было работать именно с такими ребятами, которые здесь учились. Они съезжались не только со всех необъятных просторов нашей страны, но и из многих десятков зарубежных стран.

Вспоминаю свою первую встречу с иностранной группой, свое появление здесь. Меня определили к двум исландцам-анархистам, бунтарям, с которыми мне приходилось общаться через датскую переводчицу. Вхожу в аудиторию, там сидят два здоровенных парня в расхристанной одежде. Как только я вошел, один из них встал, демонстративно не замечая меня, подошел к стенке и сделал стойку на руках. Я поставил сумку, быстро снял туфли и встал на руки рядом с ним. Я делаю гимнастику по утрам постоянно, стойка на руках была одним из ее элементов, поэтому стоял уверенно. А он — не очень. Потом я перешел на одну руку, протянул ему другую и сказал: «Давай знакомиться?». Он попытался сделать то же, но упал. Хохот! Напряжение тут же спало. Вскоре они стали моими друзьями и вели себя на занятиях вполне пристойно.

В те годы я мечтал, чтобы у нас когда-нибудь появились факультеты культурологии, психологии, социальной работы... И вот моя мечта сбылась. В такой университет я сам бы с удовольствием пошел учиться заново.

Но, к сожалению, немалое число студентов учится, чтобы получить «корочку», а не

знания. Они прагматичны, циничны, не видят ничего плохого в том, чтобы не соблюдать законы, а обходить их. Это результаты ельцинского времени, когда главным было обмануть, надуть, любой ценой обойти конкурента. Сейчас, может быть, нравы постепенно будут меняться...

Конечно, среди студентов всегда находятся удивительные существа, высокоразвитые, духовно богатые. Легко быть ангелом в раю, но когда кругом ад, а ты — «ангел», это гораздо сложнее. Есть определенное число студентов, которые независимо ни от чего ориентированы на высокие идеалы, на нравственность. Но их не так-то много. Педагогу, на мой взгляд, важно ненавязчиво помочь студенту упорядочить мир ценностей и ценностных ориентаций, углубить мировоззренческие установки, содействовать его поискам смыслов жизни и бытия. А также прививать склонность к конструктивно-критическому анализу социально-политической жизни, культуру консенсусных отношений в условиях политического плюрализма, умение реализовать свои жизненные потенции и цели, соотнося их с общественными интересами. Любая сфера профессиональной деятельности встроена в единую социокультурную реальность. И грош цена учебному курсу, если он изолирован от судьбоносных проблем современности и исторических перспектив, высших идеалов и целей общечеловеческого развития.

— Вы говорили о том, что Вам давалось сочетать свою работу с художественными наклонностями. Как это проявлялось?

— Моя первая художественно-фантастическая новелла «Марсианка» была опубликована в юности. Студентом, регулярно читая лекции в Планетарии, одну из них приготовил в поэтической форме. Эта лекция-поэма называлась «Торжество человека». В ней воспроизводилось обращение землян к братьям по разуму — повествование о нашей планете, истории культуры, грядущих перспективах.

Пьесу «Вершина», получившую приз на республиканском конкурсе, писал, когда мо-

лодым специалистом работал в экспедиции, в горах. Сейчас она мне кажется наивно романтичной. Но тогда по ней был поставлен радиоспектакль, мне вручили денежную премию. Но самое приятное, что одно из стихотворений этой пьесы стало словами туристской песни, которую я случайно услышал у «чужого» костра:

В моем доме Луна, а не люстра,
Не электроплита, а костер.
Никогда не бывает мне грустно
В беспокойной компании гор...

Меня всю жизнь тянуло и тянет заглядывать «за горизонт». Это может быть земной горизонт — поэтому я обожаю горы. Это может быть «небесный горизонт» — отсюда увлечение астрономией, космосом (я созвездия знаю лучше, чем улицы Москвы или своих соседей по дому). Это может быть теоретико-познавательный горизонт — отсюда философия. Это может быть ускользающий горизонт во внутреннем мире человека, при-

влекающий внимание к философской антропологии...

Поэзия — это тоже своеобразный выход за горизонт, некий отлет от реальности, который позволяет видеть ее не хуже, а более тонко, глубоко. Здесь можно воспользоваться удивительно метким выражением Виктора Шкловского, оно вошло во многие энциклопедии, термином «остранение». Не «отстранение», а «остранение», от слова «странный». Это остранение позволяет взглянуть на любую вещь с неожиданной стороны. Увидеть ее заново, словно впервые. Когда одно и то же событие ты рассматриваешь на фоне чего-то более широкого, великого, значительного, это как раз и есть то самое остранение. Вот я живу и все время помню, что наша Земля — не только необъятно прекрасный мир, но одновременно и крохотный островок в бездонной Вселенной. От этого мне и тяжелее, и легче жить.

Беседовала
Ч. К. ЛАМАЖАА